

ный мотивъ, опрощеніе недостаточно аскетично, ибо оно есть въ концѣ-концовъ рецептъ наилучше устроиться на землѣ, рационально обмірщиться, а какъ мотивъ религіозной философіи исторіи, оно чрезмѣрно аскетично, ибо объявляетъ неестественнымъ или противоестественнымъ все историческое развитіе и для всей почти исторіи находитъ лишь слова осужденія и гнѣва.

Почему же надо считать естественнымъ трудъ земледѣльца или ремесленника, а противоестественнымъ трудъ ученаго агронома, врача или фабричнаго рабочаго? Вѣдь это опредѣленіе примѣняется по произволу и прихоти, а не по сознательно продуманному критерию. Даже если культура и исторія есть болѣзнь, то вѣдь болѣзнь такъ же естественна, а иногда и неизбѣжна, какъ здоровье, причемъ возможность болѣзни заложена уже въ здоровомъ организмѣ, не говоря уже о томъ, что есть болѣзни роста. Если считать жизнь въ деревнѣ болѣе естественной, чѣмъ въ городѣ, то вѣдь города, въ извѣстномъ смыслѣ, возникли тоже благодаря развитію деревни и вслѣдствіе тяжелой исторической необходимости, а не чьего-либо злого умысла или заблужденія.

Нельзя еще не отмѣтить сословнаго, социальнаго привкуса этого ученія объ опрощеніи, которое годно только для кающагося дворянина, но лишено всякаго смысла для массы народной. Обращенное къ ней, оно было бы издѣвательствомъ надъ этой трудной, полной лишениій жизнью. Народъ страдаетъ отъ темноты, нищеты, беспомощности, а отнюдь не отъ культурной сложности, поэтому онъ такъ далекъ отъ фізіократизма. Народъ спокойно и охотно беретъ у культуры то, что только доходитъ до него дѣйствительно нужнаго и полезнаго, беретъ не одну водку и модную пошлость, но и хорошую книгу, и агрономическую помощь, и совѣтъ врача, и вообще онъ далекъ отъ преднамѣреннаго опрощенства. У Толстого въ проповѣди опрощенія вообще слишкомъ сильно старое народо-божіе, котораго онъ такъ и не преодолѣлъ до конца. Одной изъ самыхъ обаятельныхъ чертъ его личности была его близость къ

необходимаго. А потому духовные результаты прямо несоизмѣримы: тамъ благодать Божія облакаетъ души подвижниковъ свѣтомъ святости, возводя ихъ отъ славы къ славѣ, здѣсь же въ лучшемъ случаѣ имѣется лишь разсудочная добродѣтель стоицизма, питающаяся горделивымъ чувствомъ удовлетворенія отъ исполненія долга, т. е. самоправедности.